

Сергей Антоненко

РЕЛИГИОЗНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИЯН – СТОЛЕТИЕ МУТАЦИОННЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Касаясь проблемы этнообразующей функции религии мы волей-неволей затрагиваем два измерения этой темы – социологическое и теологическое, причём последнее является не только хронологически более древним, но и существенно важным для выяснения самого смысла употребляемых категорий. Не случайно документ, который по мнению пишущего о религии журналиста Александра Морозова представляет собой следующий шаг в осмыслении роли Православия в современном мире после решений Собора 1917–1918 годов, — «Основы социальной доктрины Русской Православной Церкви» – открывает свой раздел «Церковь и нация» (кстати, следующий в тексте сразу за «Основными богословскими положениями») определением понятия «народ», исходящим из библейского контекста. В греческой Библии используются два термина: «laos» (которым обозначается народ израильский, богоизбранный, т. е. «народ-в-единственном-числе», на смену данному термину уже в трудах Отцов Церкви приходит «hieros laos», «священный народ», христиане) и «ethnos» («нация», слово, которое применяется к народам языческим; оно является переводом древнееврейского «goy» /мн. ч. – «ethne», «goyim» – «язычники»/). Следовательно, говоря о конфессионально обусловленных этнических характеристиках, мы вступаем в парадоксальную область, сопрягающую языческое и христианское.

* * *

Временные параметры нашей дискуссии заданы «эпохой двух модернизаций», двух страшных надломов общероссийской идентичности. Представляется и интересным, и законным в рамках данной темы обратить внимание не только на осмысление происходивших в стране перемен интеллигенцией (или «образованным обществом»), но и на те не до конца отрефлексированные, «низовые» процессы, которые проходили по силовым линиям треугольника «власть–Церковь–народ».

За последние годы в правой публицистике сложилась (частично была импортирована из эмиграции, где впервые наиболее чётко сформировалась в работах Н. Д. Тальберга «Святая Русь» и архиепископа Серафима Соболева «Русская идеология») следующая концепция судеб Православия в XX столетии: начало века – Святая Русь, воплощающее нерасчленимое единство духовного и национального начал, с православным царём во главе; затем – смута и катастрофа, крушение православно-русского самосознания, забвение народом своей самобытности (с некоторыми проблесками «опамятования» во время Великой Отечественной войны и сразу после неё); наконец – сегодняшнее потерянное состояние. Нельзя сказать, чтобы эта схема, оказывающая определённое влияние как на работы историко-просветительского жанра, так и на профессиональную историографию, не имела никаких «точек сцепления» с реальностью – и всё же, она требует критического отношения.

Действительно, к моменту революции русское Православие представляло собой мощную идейно-административную силу. По официальным данным, к 1914 году в пределах Империи проживало 117 миллионов православных христиан; насчитывалось 1025 монастырей с почти 95 000 монахов. По сведениям на 1916 год, в стране было 77 727 церквей и часовен и 66 140 священников и диаконов. Уровень богословской науки никогда не стоял так высоко; реальными и убедительными были успехи миссии среди «диких» и «непросвещённых» народов, не только на окраинах Империи, но и за её гра-

ницами – в Северной Америке и Японии. Особенностью цивилизационно-культурной экспансии русского Православия было формирование у «новопросвещённых» народов особой идентичности, иерархичной по своей сути: их «национальное» не подменялось «русскостью», а просто «отступало» на нижние этажи самосознания, «уступая» верхние религиозным ценностям восточного христианства. Философ В. Н. Лосский так писал о сообществе православных народов: «религиозное и культурное различие не нарушает однородного характера этой духовной семейственности»...

В России начала XX века Православие было неразрывно связано с государственной традицией – от имперской символики и патриотической ритуалистики до механизмов функционирования конкретных учреждений. Важно подчеркнуть такой факт (сегодня привлекающий внимание всё большего числа исследователей): правящая династия Романовых не просто обращалась к Православию как к средству обретения или актуализации собственной русской идентичности (подобное происходило во многих православных странах, где правили династии, имеющие иноземное происхождение – в Болгарии, Румынии, Греции). Династия Романовых в эпоху последних двух царствований стремилась продолжать «константинопольскую», римско-византийскую традицию, выступая в роли самостоятельного субъекта церковной истории, мирового «ктитора» и защитника Православия.

В то же время, заслуживают внимания и другие данные, рисующие не столь оптимистичную для «господствующей Церкви» картину. Крупнейший историк Церкви Дмитрий Поспеловский заключает: «Предреволюционные годы развеяли широко распространённую в русском обществе иллюзию о том, что простой народ весь благочестив и предан Церкви». Обращение к свидетельствам того времени показывает, что мутационные изменения духовной составляющей национально-культурного самоотождествления русских начались задолго до революции и были обусловлены воздействием новых условий («модерна») на традиционный тип русской религиозности.

Прежние формы социализации индивидуума (за которую в России в немалой степени несла ответственность Церковь) «не поспевали» за взрывными темпами промышленного роста, за расширением техногенных сред, за разрастанием городских рабочих окраин с их весьма некомфортными условиями жизни. (Коммунизм позднее нашёл тип социализации, соответствующий «индустриальному» ритму).

В начале XX века происходило разрушение национально-религиозной идентичности в географических и социальных зонах, наиболее подверженных наступлению модернизации. По крайней мере, с 1906 года в Синод постоянно шли тревожные докладные записки из епархий о массовом отходе рабочего люда от Церкви (особенно много таких сообщений поступало из промышленных епархий, с Урала).

Параллельно, в стране наблюдался небывалый рост сектантства. Один из церковных деятелей того времени так охарактеризовал ситуацию: «хлыстовщина, как пожар, захватывает Россию». Думается, что всплеск внецерковной религиозности объясняется не только конкретными историческими условиями и обстоятельствами функционирования церковных институтов в синодальный, «казённый» период. Исконная «прививка», которую имеет Православие против «папистских» притязаний иерархии, в сочетании с географическими особенностями России (разбросанность и удалённость региональных центров – отсюда немногочисленность епархий и административная слабость епископата) во многом обуславливают возможность снижения авторитета духовенства при изменении исторического «климата». В. В. Розанов писал: «Что касается народа, то он в высшей степени ищет соединения с Богом, покоя душевного, умиротворения совести, но он и около себя не с такой безусловностью считает это связанным с духовною иерархией». Здесь вспоминается извечный русский порыв к «самоспасанию», «самочинному спасению», с такой силой выразивший себя в ряде старообрядческих беспоповских толков... Понятно, насколько все названные выше условия благоприятствовали появлению новых версий «православной» идентичности.

Нововременной атеизм и религиозный индифферентизм соседствовал в России, особенно в сельской местности с архаикой и пережитками язычества. Священник Григорий Петров свидетельствует: «В одной из записанных мною былиц рассказывается, как деревенский сход хотел продать икону Николая Чудотворца за неисполнение им данного обещания. “Продадим его”, т. е. образ, “а то какой же это бог, коли он смотал” (обманул)».

Православная мысль не игнорировала все эти «вызовы времени». Не соответствует действительности представление, согласно которому церковная жизнь начала века представляла собой противостояние «прогрессивных» модернизаторов и «тупых» традиционалистов-консерваторов. В творчестве В. Ф. Эрн с особой зоркостью прослежено противостояние «нового» и «новизны» – вечноживотворящего духа Традиции и «личинообразной» ереси, претендующей на творческую прогрессивность, но мгновенно охватываемой тлением.

Новые формы православной идентичности прочитываются в жизни и проповеди «всероссийского пастыря» о. Иоанна Кронштадтского. Будучи стопроцентным традиционалистом, о. Иоанн воплощал те черты духовной жизни, которые в XX веке оказались наиболее востребованными во всех христианских конфессиях. Деятельность о. Иоанна предвосхитила многие моменты «движения литургического возрождения» и даже «теологии освобождения» (назовём только некоторые особенности духовной практики «всероссийского пастыря»: особое внимание к таинствам как сакральной стороне богослужения; возвращение литургии её конкретно-мистериального значения и конституирующей общину как «Тело Христово» функции; помещение живого образа Христа в центр личного сознания; возрождение принципа соборности в церковной жизни /в пору жизни о. Иоанна – на «низовом», пастырско-приходском уровне/; наконец, внимание к обездоленным и миссия в рабочие окраины).

Православная Церковь и её священноначалие не оставались в стороне от происходивших тревожных процессов. Предупреждения и тревожные кон-

статации, имеющие непосредственное отношение к нашей теме – мутации идентичности – звучат в знаменитом «Слове о Страшном Суде и современных событиях», произнесённом 20 февраля 1905 года в Исаакиевском соборе архиепископом волынским Антонием (Храповицким), одним из наиболее заметных церковных деятелей того времени: «...духом этого горделивого самооправдания и осуждения других проникнута вся современная жизнь; ему научают детей от школьного возраста, им извращают русский народный характер, народный дух, тот дух смиренномудрия, терпения и любви, в котором Русские познавали Христа, в котором пребывал Христос, как принято говорить, родившийся в Вифлееме и живущий в России»; «...враги, упорные и жестокие, начнут с того, что отнимут у него /русского народа/ возможность изучать в школах Закон Божий, а кончат тем, что будут разрушать святые храмы и извергать мощи Угодников Божиих, собирая их в анатомические театры».

Первая Мировая война с её ожесточением сердец и революционная эпоха подтвердили правоту этих горестных предсказаний. Общеизвестны отчёты армейского духовенства о том, что после освобождения солдат Временным правительством от обязательного исполнения обрядов и таинств Церкви процент солдат, записанных православными и соблюдающими таинство причащения, сократился с почти 100 в 1916 до менее 10% в 1917. Гласом вопиющего в пустыне звучат слова из Обращения Священного Собора Православной Российской Церкви «всероссийским христоробивым воинству и флоту» от 24 августа (6 сентября) 1917 года: «Что поддерживало наш народ, что утешало и укрепляло его во дни великих испытаний, среди многих скорбей тяжкой доли, что вдохновляло нашего воина служить до смерти, страдать не укоряя, умирать, благословляя? – Образ Христа Страдальца, распятого за грехи человечества; примеры шедших по стопам Христа подвижников и страдальцев; заветы и благословения Церкви Святой. Начало всё это меркнуть в русских сердцах – непроглядная тьма окутала русскую землю, и стала гибнуть великая и могучая Святая Русь»...

Последовавшая трагедия Русской Церкви на сегодняшний день уже достаточно хорошо представима в общих своих чертах. Нам здесь важно подчеркнуть тотальный характер этой трагедии: коммунистическое государство взяло курс на полное уничтожение Церкви и неуклонно проводило его вплоть до начала войны (правда, с разной интенсивностью репрессивных мероприятий). К 1941 году у канонической Русской Православной Церкви оставался 3021 храм, причём около 3000 храмов были расположены на территории, присоединённой в 1939–1940 гг.; все 64 действовавших православных монастыря располагались на этих же недавно освобождённых землях. К началу Второй Мировой войны весь действующий епископат Русской Церкви составляли епископ, архиепископ и два митрополита. Показателен и такой факт: к 1941 году в бывшей Псковской и Петроградской губерниях (не считая города Ленинграда) действовало всего пять храмов близ «колыбели революции». Хотя по признанию вождей советского атеизма, в 1937–1940 годах от 45 до 50% всего населения продолжали оставаться верующими, совершенно очевидно, что атеистический режим не собирался делать по собственной воле какие-либо послабления Церкви – они были в буквальном смысле «выбиты» из Сталина войной. Для множества верующих предвоенных лет продолжали сохранять значение некоторые моменты рудиментарной обрядовой религиозности – но религиозная составляющая национально-культурной идентичности была почти сведена на нет. В годы войны она возродилась вновь: в масштабе всей страны – в официальном культе «защитников Земли Русской» среди которых оказывались почитаемые Церковью благоверные князья.

Для воссоздания облика «сталинской идентичности» много может дать один официальный, почти что ритуальный подарок – палехская шкатулка, поднесённая Сталиным Патриарху Алексию (ныне – в собрании ЦАК, МДАиС). На ней изображены почитаемые Церковью князья Александр Невский и Димитрий Донской, побеждающие наступающие на Русь с Запада и Востока Орды. Идеология подарка прозрачна – «Не Запад, не Восток». Впоследствии из духовной традиции Православной Руси заимствуются преимущественно мили-

таристические моменты – опускаются, например, житийные сведения о христианском смирении тех же князей Александра и Димитрия... Фактически, сталинская парадигма исторического сознания дожила (с некоторыми вариациями) до эпохи перестройки, когда бурный поток переоценки ценностей взорвал лёд прежних идейных массивов.

Согласно ряду социологических опросов, к концу 1980-х годов число положительно ответивших на вопрос «Верите ли Вы в Бога?» увеличилось по сравнению с концом 1970-х в 3 раза и составило около 30% населения, оставаясь на этом уровне и в конце 1990-х; а число убежденных атеистов снизилось с 25 до 11–12% (в конце 1990-х – 16–17%) (существуют и другие сведения: по данным опросов ВЦИОМ на 2001 год православными себя признавали 50% респондентов, неверующими – 37%). По мнению большинства аналитиков, «религиозное возрождение» конца 1980-начала 1990-х годов к настоящему моменту закончилось. По мнению известного социолога религии М. П. Мчедлова, «на стыке XX и XXI веков религиозная ситуация становится стабильной, приостановился рост числа верующих, религиозные организации исчерпали потенциал своего усиления. Наблюдается снижение активности политико-религиозных структур».

Современную Россию можно охарактеризовать как пространство мутирующих, неустойчивых идентичностей, в котором церковное Православие является религией меньшинства (часть церковных апологетов /о. Андрей Кураев/ подтверждает эмпирическую реальность данного факта). Не в личного Бога, а в «сверхъестественную силу» верят, согласно опросам, до 20% россиян. Да и само религиозное мировоззрение у части верующих отличается во многом размытостью, неопределённостью, отсутствием ясного содержания. По данным ВЦИОМ на 2001 год, на вопрос «Ходите ли Вы к причастию?» отрицательный ответ дали 61% опрошенных; 23% затруднились ответить. 9% причащаются раз в год и реже, 5% – несколько раз в год, 1% – раз в месяц и только один процент – раз в неделю...

Особенностью ситуации 1990-х годов были многочисленные попытки националистической и экстремистской интерпретации Православия. Потребность в религиозной легитимации политических идеологий приводила и приводит к любопытным «конфессиональным миграциям»: от Православия к язычеству и даже от шиитского ислама к римскому католицизму.

Неоязычество порой репрезентирует себя как «подлинное» Православие. Заявляется даже, что «русский народ был православным ещё до того, как ему навязали христианство». В этом случае термин «Православие» переводится как «прославление Прави», языческого божественного начала, одной из составляющих Триады Явь (материальный мир)–Правь (божественная небесная сфера)–Навь (мир мёртвых). Ещё одним мутационным феноменом является своеобразный «православный атеизм», характерный для многих представителей патриотически ориентированной академической интеллигенции: Православие оценивается положительно как культурная, национальная и социально-стабилизирующая сила, при этом совершенно игнорируется духовная, сакральная реальность, к которой собственно и обращена религия. Сформировался также «окультизм в Православии» (термин о. Андрея Кураева), который существует сегодня в двух основных версиях – «космической» (многочисленные рерихианские, софиологические и нео-хлыстовские / «порфирие-ивановские» / группы) и «антикосмической» (воспринимающей априори любую внеземную жизнь как бесовские личины). Представители последнего направления сегодня активно осваивают сленг «научной фантастики». Например, в книге «От чего нас хотят «спасти» НЛЮ, экстрасенсы, оккультисты, маги» (Изд-е 2-е. М.: «Даниловский благовестник, 2001) для обозначения «космических» бесовских сущностей используется изящная аббревиатура «СПМ» – «существа параллельного мира».

По мнению религиоведа Ф. Овсиенко, «некоторая часть россиян после эйфории 1988–1994 гг. постепенно отходит от православия и находится в мировоззренческом поиске».

В то же время, «настоящее», «истинное Православие» сегодня тоже формируется как отдельная идентичность – но не общероссийская, а этноконфессиональная. Православный «церковный народ» рискует превратиться в религиозно-этническую общину (по образцу, например, армян или ассирийцев), вполне интровертную, закрытую по отношению общерелигиозным смыслам, мало способную к диалогу, свидетельству и миссионерству.

Наш анализ позволяет предположить, что в Церкви присутствует ясное понимание этой опасности. Священноначалие Русской Церкви в последнее время неоднократно демонстрировало открытость к диалогу с современностью. Церковь готова быть свидетелем о Христе в нынешнем мире, который гораздо больше напоминает ойкумену IV столетия, в эпоху сосуществования легального христианства и язычества, чем протестантскую утопию «совершенного мира». Об этой готовности Церкви можно судить, например, по опубликованным «Основам социальной концепции РПЦ» и выступлениям на Шестом Всемирном Русском Соборе митрополита Кирилла (Гундяева) и Патриарха Алексия. Православная надежда на возрождение духовно-национальной идентичности была выражена на Соборе в следующих словах Святейшего: «“Блажен народ, у которого Господь есть Бог”... Российскому народу следует вновь ощутить свое призвание как одухотворенной евангельской вестью нации. Русское Православие глубоко национально, но в то же время оно даёт народной жизни вселенское измерение».